
Э. ДУРАЧИНСКИ

ПОЛЬСКИЕ ВАРИАНТЫ ПОСТРОЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ С СССР (1943–1945)

12 августа 1941 г. президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль в Атлантическом океане у берегов Ньюфаундленда подписали декларацию, вошедшую в историю как Атлантическая хартия (см.: Kimball 1999: 108–111; Gardner 1999: 117–122). Подписавшие этот состоящий из 8 пунктов документ отмечали, в частности, что они не стремятся ни к каким “территориальным изменениям, не находящимся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов”, что они уважают “право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить”, и что они будут стремиться к восстановлению “суверенных прав и самоуправления [...] тех народов, которые были лишены этого насильственным путем”. 24 сентября в Лондоне о своем присоединении к хартии заявили правительства 10 государств, среди которых были Польша и СССР.

1 января 1942 г. 26 стран подписали документ, названный Вашингтонской декларацией, которая подтвердила цели, провозглашенные в Атлантической хартии, а антигитлеровскую коалицию назвала “Объединенными Нациями”. Принципы, содержащиеся в этих документах, Рузвельт и Черчилль вспоминали достаточно часто, и – что особенно важно – их отчетливое эхо отзывалось в публичных выступлениях Иосифа Сталина. Что касается последних, с полной уверенностью можно сказать, что их целью была маскировка настоящих долгосрочных планов Кремля, они были лишь чисто тактическим, пропагандистским приемом.

Особенно внимательно политику Кремля, высказывания и действия лидера СССР анализировали польские политики,

политики государства, разделенного в сентябре 1939 г. Гитлером и тем же Сталиным.

Не вызывает ни малейшего сомнения, что с точки зрения международного права единственным польским субъектом конституции, выражающим стремления государства и народа, были президент и правительство, которые с 30 сентября 1939 г. действовали в эмиграции – сначала во Франции, а после ее поражения в июне 1940 г. – в Великобритании (об истории польских конституцион-ных властей в эмиграции см.: Duraczyński 1993; Blazynski 1994; Hufas 1996; Derwiński 1987; Duraczyński, Turkowski 1997).

Свою программу и свои задачи поляки определяли следующим образом: 1. Сражаться на стороне противников Третьего рейха и обеспечить Польше участие в окончательной победе. 2. Вернуть суверенитет и свободу. 3. Восстановить польское государство в довоенных границах на востоке и юге, получить более выгодную границу с Германией, серьезно ослабив этого западного соседа Польши. 4. Перестроить отношения в Центрально-Восточной Европе так, чтобы государства этого региона во главе с Польшей могли успешно противостоять захватнической политике Германии и Советского Союза, а также блокировать в будущем попытки союза между этими державами. 5. Обеспечить послевоенной Польше безопасное и достойное место в Европе. 6. Не допустить вероятного лидерства СССР в Центрально-Восточной Европе. Всего этого эмиграционные власти и подчиненные им конспиративные организации (Duraczyński 1999: 39–45) в оккупированной стране хотели достичь в самом тесном союзе с Западом и при полной мобилизации собственных сил (Польские вооруженные силы, сражающиеся вне Польши, и подпольная Армия Крайова).

Часть этих целей совпадала с положениями Атлантической хартии, и поэтому ее место в политике польских конституционных властей в эмиграции столь значительно. Но лишь в отношении некоторых из них можно было рассчитывать на поддержку Парижа и Лондона, а позднее – Лондона и Вашингтона, хотя поляки именно в этих государствах видели своих стратегических союзников или – как в случае с США – преданных и надежных друзей.

Президентом Польши в годы войны и до своей смерти в 1947 г. был Владислав Рачкевич. Во главе правительства стояли поочередно Владислав Сикорский (до 4 июля 1943 г., когда он погиб в авиакатастрофе над Гибралтаром), Станислав Миколайчик (до своей отставки 24 ноября 1944 г.) и Томаш Арцишевский.

Все они, а также политики, поддерживавшие их и боровшиеся против них, прекрасно понимали особое значение для Польши положения СССР в мире, особенно после 22 июня 1941 г., когда Советский Союз перестал быть неформальным союзником или же лишь партнером Третьего рейха. Теперь он стал членом антигитлеровской коалиции, участником Атлантической хартии, одним из трех важнейших членов Объединенных Наций, образуя вместе с Великобританией и Соединенными Штатами Америки т. н. “большую тройку”, которая должна была выиграть войну с государствами “Оси”. От ее исхода, а точнее, от того, кто освободит Центральную Европу, зависели способы построения польско-советских отношений, будут ли они опираться на принципы Атлантической хартии или же на принципы, совершенно ей противоположные, и какие на этой территории будут установлены границы отдельных государств, в т. ч. западная граница СССР. Сталин не сомневался, что все это решит исход войны, и в этом духе писал, например, в мае 1942 г. Вячеславу Молотову, который в то время в Лондоне обсуждал текст договора с Великобританией (Ржешевский 1997). Подобным образом думал о будущем Европы и границ и Владислав Сикорский (Duraczyński 1993).

Каждый из очередных премьер-министров и назначаемых ими кабинетов представлял определенную концепцию политики по отношению к СССР, рассчитывая на поддержку Великобритании и Соединенных Штатов. Эти концепции отличались друг от друга, как отличались политические условия деятельности польских властей и их международное положение, что было связано с разными этапами II мировой войны и характером отношений внутри “большой тройки”. Если говорить очень кратко, вначале польские конституционные власти в эмиграции рассматривались на Темзе и Потомаке как партнер, достойный уважения. Позднее, т. е. приблизительно с весны 1943 г., они становились все более

обременительным, а с конца 1944 г. – правда, еще признаваемым, но едва переносимым просителем. Советским Союзом они признавались лишь с 30 июля 1941 г. по 25 апреля 1943 г., причем с лета 1942 г. со все большим нежеланием, которое под конец приобрело черты враждебности.

Ухудшающееся положение польских властей в политике Великобритании и Соединенных Штатов не было результатом уровня профессиональной квалификации польских лидеров (хотя, конечно, трудно дать ему высокую оценку) или доброй или злой воли их англосаксонских покровителей. Главным движущим фактором был ход военных событий и резко возрастающая военная и политическая роль Советского Союза, а также рождающаяся на этом фоне уступчивость Рузвельта и Черчилля к требованиям Сталина, которая, по мнению многих исследователей, стала в Тегеране и Ялте чуть ли не своеобразным вариантом *appeasement policy* конца тридцатых годов.

Ядром концепций политики по отношению к СССР, представленных польскими конституционными властями, были принципы, которые позднее вошли в Вашингтонскую декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 г. Для поляков фундаментальными были две проблемы: восстановление межгосударственной границы, установленной по Рижскому договору 1921 г. и безоговорочно признаваемой советским руководством вплоть до ее денонсации 17 сентября 1939 г., а также полное соблюдение суверенитета Польши. Первая из них с самого начала вызывала у многих британских политиков и дипломатов серьезные сомнения (Batowski 1991) и возрастающий с течением времени скептицизм, а в конце концов – полное неверие в возможность ее решения. Зато среди них росла уверенность, что польско-советскую границу нужно будет провести по т. н. “линии Керзона”, и эта уверенность, в конечном счете, выразилась в полной поддержке Черчиллем требований Сталина (см. об этом подробную и очень компетентную работу: Tebinka 1998). К таким же выводам пришел, хотя и позднее британского премьер-министра, президент Рузвельт (см.: Kimball 1999; Gardner 1999).

Несравнимо лучше проблемы границ в политике англосаксов выглядела проблема суверенитета польского государства (к чему мы еще вернемся), хотя уже весной 1943 г. в переписке Сталина и Черчилля возникло предложение реорганизации состава польского правительства (Переписка.... Т. 1: 151–153), что, конечно, нарушало его независимость.

Из трех премьер-министров военного времени больше всех в вопросе отношений с СССР сделал генерал Владислав Сикорский, имеющий на своем счету самые большие достижения и самые крупные поражения. В графе его успехов следует записать договор, подписанный 30 июля 1941 г. в Лондоне с послом Майским, восстанавливающий дипломатические отношения, разорванные Москвой 17 сентября 1939 г.; договор от 14 августа о создании на территории СССР польской армии; освобождение советскими руководителями нескольких сот тысяч репрессированных граждан польского государства; подписание 4 декабря в Москве совместной Декларации о взаимодействии в войне с Третьим рейхом, объявляющей также о сотрудничестве в деле строительства мира (Michowicz 1999: 211–265). Добившись всех этих успехов, 12 января 1942 г. на заседании правительства премьер-министр говорил, что, таким образом, родилась “новая политическая линия, которая может на долгое время определить наше будущее” (Duraczyński 1993: 145). Говоря языком сегодняшних политиков, это был как бы предвестник “стратегического партнерства”, но тогда он мог означать готовность польской стороны к установлению таких польско-советских отношений, которые могли бы принять форму военно-политического союза или, как это сформулировал сам Сикорский, “договоренности с Россией Сталина на длительный срок” (Du-raczyński 1993: 145). Если даже действительные планы генерала были такими, уже в скором времени им суждено было оказаться только идеей вроде *wishful thinking*.

В графе ошибок, разочарований, неудач и просто поражений назову, прежде всего, согласие на вывод летом 1942 г. польской армии с территории СССР, с чего началось постепенно нарастающее охлаждение отношений с СССР, которое не могло не повлиять на начало ослабления поддержки англосаксами, и особенно союзнической Великобританией, польских военных целей. В апреле

1943 г. возник вопрос о катынском преступлении (см.: Zawodny 1989; Лебедева 1994), и произошел разрыв Москвой дипломатических отношений с правительством Польской Республики (Michowicz 1999: 360–379).

Преемникам Сикорского пришлось формулировать концепции своей политики по отношению к восточному соседу в совершенно новых условиях, важнейшей чертой которых стали крупные победы Красной Армии под Сталинградом и на Курской дуге.

Однако то, что приближало тотальное поражение Третьего рейха, могло очень плохо сказаться на политических целях польского конституционного правительства. В этом отдавал себе отчет новый польский премьер-министр Станислав Миколайчик, вступая в должность 15 июля 1943 г. Он все еще верил, что можно восстановить Польшу свободной, единой и суверенной, и в поддержку этой программы Черчиллем и Рузвельтом (Derwiński 1987; Paczkowski 1991). Он также знал, что одной из самых важных и самых трудных его задач будет попытка восстановления дипломатических отношений с СССР и установление их на принципах Вашингтонской декларации Объединенных Наций. 27 июля 1943 г. в программном экспозе он говорил, что “польско-советский вопрос [...] является на данный момент главным вопросом нашей внешней политики”, а также, что “соглашение с Россией является для нас исторической необходимостью”, равно как “является необходимостью и для Европы как единого целого, т. к. от него будет зависеть консолидация и равновесие в Европе” (Dugaczyński 1993: 253). Он сто раз был прав, но только его вариант политики по отношению к СССР, продолжающий линию Сикорского, полностью отличался от того, чего хотел Сталин, у которого тогда уже был козырь для игры за будущее Польши. С марта 1943 г. в СССР уже существовал под предводительством Ванды Василевской Союз польских патриотов (СПП), название которого Сталин сам и придумал, а в мае под командованием Зыгмунта Берлинга началось формирование 1-й пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко (Syzdek 1981; Jaczyński 1993).

На своем съезде в Москве 9–10 июня СПП объявил, что правительство Сикорского действует во вред Польше, разбивает

“сплоченность англо-советско-американского блока”. В принятой программной декларации СПП подчеркивал особую роль польско-советского союза и отрекался от границы, установленной по Рижскому договору. “В соответствии с принципами свободы, за которые Объединенные Нации борются против гитлеризма, мы не хотим для себя ни пяди украинской, белорусской или литовской земли” (Dugaczyński 1993: 230). Хотя это официально не декларировалось, новая граница виделась на “линии Керзона”, в общей форме выражался постулат о присоединении к Польше ее давних, германизированных в отдаленном прошлом земель, содержалось прямое обращение к одному из положений Атлантической хартии. Все это имело место в тогдашней политике и риторике Сталина, который уже в декабре 1941 г., желая установить границу по “линии Керзона”, предлагал в качестве компенсации передвинуть границу Польши на запад до линии реки Одры (Ржешевский 1997).

В игре за будущее Польши появился, таким образом, новый субъект, полностью зависящий от Сталина.

Образование Союза польских патриотов и начало формирования в СССР нового, подчиненного ему Войска Польского предвещали вероятность вассализации Польши. Используя желание поляков, сотни тысяч которых все еще находились (как правило, не по собственной воле) в Советском Союзе и очень хотели покинуть эту страну, чтобы добраться до Польши (которая должна была, правда, иметь другой территориальный вид, но была их родиной), Сталин открыл перед ними такую перспективу, выразив согласие на образование и развитие организационных структур СПП и подразделений войска. Дорогу в Польшу должны были открыть ожидавшиеся дальнейшие победы Красной Армии, а возвращающихся должны были вести по ней польские коммунисты и другие лица, которым доверяли. СПП и войско Берлинга – это, конечно, с одной стороны, инструменты недалекой уже по времени вассализации Польши, но, с другой стороны, это вариант установления отношений с СССР, чем практически немедленно могли воспользоваться массы поляков в Советском Союзе, и что никоим образом не могло обеспечить польское конституционное

правительство в Лондоне, придерживавшееся программы восстановления Польши единой, свободной и суверенной. В любом случае, в конкретной военной и политической или геополитической ситуации первой половины 1943 г. появился новый вариант политики по отношению к СССР. Он был нацелен против политики единственного легального польского субъекта международного права, но был каким-то – хотя и противоречащим многим положениям Атлантической хартии – предложением выхода из драматичного тупика, в который попадал вопрос будущего Польши. Он был предложением вроде “меньшего зла”, т. к. уже вскоре оказалось, что у действительно хорошего выхода не было никаких шансов.

Мотивировка польской группы в Москве, во всяком случае ее большинства, не совпадала полностью с устремлениями Сталина. В обрисовавшейся новой ситуации (успехи Красной Армии, приостановка дипломатических отношений, уже чувствовавшаяся уступчивость англосаксов в отношении Москвы) группа увидела шанс воплотить в тесном союзе с СССР собственное видение Польши – совершенно не такой, как довоенная, но и отличающейся от сталинской системы. Она отдавала себе отчет, что играет роль орудия, но ее не оставляла мысль, а может даже уверенность, что после войны Польша получит в вероятной сфере господства СССР в каком-то виде собственное государство с ограниченным суверенитетом, хотя этот последний термин, насколько мне известно, никто из коммунистов тогда не использовал.

Среди польских коммунистов в СССР и в оккупированной Польше были и те, кто хотел видеть Польшу в составе СССР, но они составляли незначительное меньшинство. Такого варианта, в свете известных на данный момент источников, не хотел, прежде всего, сам Сталин.

Следует зато присмотреться к тому, что могли предложить коммунисты, с января 1942 г. подпольно действовавшие в оккупированной стране в рядах образованной Коминтерном Польской рабочей партии. Но прежде – о главных политических событиях вокруг “большой тройки”.

Сначала в октябре 1943 г. в Москве прошла конференция министров иностранных дел СССР, Соединенных Штатов Америки

и Великобритании, а затем, с 28 ноября по 1 декабря, в Тегеране в первый раз на совместное совещание собрались Сталин, Рузвельт и Черчилль. Тематика обеих встреч охватывала многие ключевые вопросы войны и политики “большой тройки” (Teheran 1970). Не были оставлены без внимания и польские проблемы (Michowicz 1999: 427–433, 447–454), важнейшей из которых была проблема польско-советской границы.

Московская конференция польским проблемам, впрочем, посвятила не много внимания, но на основании различных сигналов и высказываний британских и американских политиков польское правительство могло заключить, что его вариант политики по отношению к СССР уже в скором времени может оказаться лишь прекрасной идеей с минимальными шансами на осуществление. 19 ноября министр иностранных дел Антони Иден объяснял польскому послу в Лондоне Эдварду Рачинскому, что “единственная надежда уладить польско-советский конфликт – взяться за него одновременно со всех сторон” (Derwiński 1987). Это могло означать не только вопрос границы, но и вопрос правительства, его состава и политики.

В Тегеране польскому вопросу Сталин, Черчилль и Рузвельт посвятили много времени, придя в конечном счете к предварительному соглашению по вопросу о будущих границах Польши. Ее послевоенную территорию должны были очертить две линии: Керзона – на востоке и реки Одры – на западе. Таким образом, три великие державы достигли предварительного соглашения относительно Польши без ведома и согласия единственного выразителя суверенных прав Польской Республики, каким было ее правительство в Лондоне. Черчилль, Сталин и Рузвельт совместным и согласным усилием опрокинули один из столпов польского правительственного варианта политики по отношению к СССР. А именно: они окончательно перечеркнули принцип неприкосновенности рижской границы и, вместе с тем, положение Атлантической хартии и санкционировали “линию Керзона” в качестве основы для установления польско-советской границы. За непризнание этой линии в таком качестве правительство Польской Республики боролось до последнего, пока

– вопреки его воле – она не была навязана Польше (хотя лишь в Ялте).

Тегеран был триумфом Сталина и открывал новые возможности для реализации коммунистического варианта построения польско-советских отношений. Двум важным решениям – одному в подпольной Варшаве и другому в Москве – суждено было приблизить время его реального осуществления.

23 ноября 1943 г. новым секретарем Польской рабочей партии без согласования этого с Москвой стал Владислав Гомулка, что было там принято с определенным неудовольствием. Он был автором обнародованной программной декларации этой партии, а также инициатором создания в ночь с 31 декабря 1943 г. на 1 января 1944 г. Крайовой рады народной, председателем которой стал Болеслав Берут (*Duraczyński 1999: 320–324*).

Из декларации ППР однозначно следовало, что при благоприятных внешних обстоятельствах, т. е. в случае освобождения Красной Армией польских земель, расположенных к западу от линии Керзона, партия попытается с ее помощью прийти к власти. Первым шагом на пути к этой цели было как раз образование Крайовой рады народной. В принятой декларации эта организация, которая могла рассчитывать на поддержку лишь ничтожной части общества, выступала как “исполнительница воли народа”, отказывая в то же время “нынешнему правительству в Лондоне в праве выступать от имени польского народа”. По территориальным вопросам указывалось, что на западе и в Прибалтике Польша должна вернуть денационализированные и германизированные силой польские земли. 11 января Крайова рада народа вновь “от имени польского народа” приветствовала советский вариант проведения польско-советской границы по “линии Керзона” “как объективно справедливую и отвечающую общим интересам основу решения проблемы” и “установления добрососедских и союзнических отношений” между обоими государствами. Она также с удовлетворением встретила советские обещания об обязательном возврате Польше земель у ее западной границы и в Прибалтике.

Сегодня историки придерживаются мнения, что, узурпируя право выступать от имени польского народа, коммунисты

совершили – пока лишь на бумаге – своеобразный государственный переворот против конституционного правительства и действующих в оккупированной Польше подпольных институтов, с ним связанных. Коммунисты также представили свой вариант политики по отношению к СССР, базирующийся на полном согласии с основными требованиями Сталина. Но и они обращались к политическому языку того времени, берущему свое начало в Атлантической хартии. В программной декларации ППР, например, записано, что “будущая Польша в кругу народов мира должна быть фактором мира, жить в согласии и дружбе с соседствующими с ней народами и по причине своего географического положения быть мостом, связующим Восток и Запад в братском сотрудничестве народов Европы между собой”. Под таким видением будущей Польши, если бы оно не исходило от коммунистов, мог бы подписаться, пожалуй, каждый поляк. Впрочем, это не была оригинальная идея Польской рабочей партии. Значительно раньше нее подобные и заслуживавшие доверие идеи, которым верили, выдвигало конституционное правительство и подпольные структуры, с ним связанные. Однако, видимо, не удастся опровергнуть тот факт, что Владислав Гомулка был сторонником именно такой Польши. К идее о ее роли “моста” в Европе он возвращался и позднее, когда в 1945–1947 гг. думал о “польском пути к социализму”, а после октября 1956 г. пытался – даже с некоторым успехом – воплотить ее в жизнь, хотя уже не использовал этого подозрительного в Москве понятия (Werblan 1988). Впрочем, и сегодня, в совершенно иных геополитических условиях, можно услышать из уст некоторых польских политиков слова о Польше как мосте между Россией и Западом, что, может быть, удовлетворяет значительную часть польского общества, но относится скорее к области “благих намерений”, чем реальной политики.

Вернемся, однако, к событиям конца 1943 г.

На стыке ноября и декабря 1943 г. среди польских коммунистов в Москве, вероятнее всего по инициативе покровителей, родилась концепция создания нового (наряду с Союзом польских патриотов) политического центра – своеобразной формальной альтернативы польскому правительству в Лондоне. Институциональное

выражение эта концепция нашла уже после Тегеранской конференции, когда 25 декабря в Москве состоялось – под председательством Ванды Василевской – первое заседание комиссии по делам организации Польского национального комитета (ПНК). Позднее прошло еще несколько заседаний этого коллектива, который вел подготовку программной декларации и определял персональный состав (Kersten 1990: 37–40). По известным на данный момент источникам, Комитет должен был стать чем-то вроде временного правительства, хотя и не имел такого названия. Вскоре, однако, работы по созданию этого образования были прекращены, но трудно не заметить, что ПНК явился прототипом созданного в июле 1944 г. Польского комитета национального освобождения.

Таким образом, независимо от наличия среди самих коммунистов определенных различий, в конце 1943 и в начале 1944 гг. уже существовали, хотя еще не совсем развитые, зачатки центров, стремящихся формулировать отличные от конституционного правительства положения польской политики, в т. ч. и диаметрально противоположный вариант политики по отношению к СССР. Их (т. е. ППР, КРН, СПП) можно называть узурпаторами, предателями или, как это позднее сделал Черчилль, когда в октябре 1944 разговаривал в Москве с представителями ПКНО, квислинговцами, их можно рассматривать как агентуру Кремля, и каждый из этих эпитетов можно без особого труда обосновать, но только с их помощью невозможно понять всего драматизма и в значительной степени трагизма ситуации, в которой оказались Польша и поляки в 1944–1945 гг. На роль и место коммунистов в тех событиях следует также смотреть сквозь призму их взглядов и устремлений, что вовсе не должно означать признания приводимых ими доводов и оправдания их поступков. Впрочем, это относится ко всем актерам польской политической сцены того времени, и не только польской – любой. Следует также помнить о реальных шансах, которые имел тот или иной вариант построения польско-советских отношений.

Тем временем лидеры трех великих держав мобилизовали силы и средства для нанесения очередных ударов по Третьему рейху, в чем ведущую роль играла Красная Армия. 4 января 1944 г. ее части

пересекли на небольшом участке советско-польскую границу, установленную еще в 1921 г., что предвещало их вероятное и не очень отдаленное по времени продвижение к “линии Керзона” и, возможно, к самой Варшаве, а может, и дальше.

Вопрос политического будущего Польши, ее границ, правительства и отношений с СССР уже переставал быть лишь предметом политических споров в кабинетах политиков, различных проектов, прогнозов и лозунгов. Он уже стоял на повестке дня и при этом имел особую важность. Должна была прозвучать еще не высказанная, но уже ощущавшаяся “аксиома Сталина”. За этим определением скрывалось фраза, сказанная Сталиным в апреле 1945 г. во время московских переговоров с югославской делегацией во главе с маршалом Йосипом Броз Тито. Она звучала следующим образом: “В этой войне не так как в прошлой, а кто займет территорию, тот навяжет и свою социальную систему. Каждый навяжет свою систему там, куда дойдет его армия” (Тоталитаризм... 2002: 18). Это был отказ от одного из самых главных пунктов Атлантической хартии, и заставляло вспомнить принятый еще в 1555 г. во время Аугсбургского религиозного мира принцип *cuius regio, eius religio*, который Сталин, любитель истории, наверняка знал. Эту “аксиому”, как эту фразу называли некоторые западные исследователи (Kimball 1999), Сталин сформулировал, обладая опытом, прежде всего, Польши и всех тех стран, которые оказались в его сфере или были освобождены (или заняты) войсками западных союзников. De facto Европа уже была поделена на сферы влияния, а процесс этого раздела начался в Тегеране и набрал силы с середины 1944 г., чему прекрасно поспособствовали московские разговоры Черчилля со Сталиным в октябре этого же года и решения, которые были тогда приняты (Kimball 1999). Ялта, в сущности, лишь подтвердила то, к чему ранее вместе пришли Сталин, Черчилль и Рузвельт. Хотя именно она стала символом раздела и хотя некоторые авторы главным виновником всех несчастий для Европы и особенно Польши, вытекающих из этого факта, считают именно Сталина. Несомненно, из “большой тройки” ему больше всех нужен был этот раздел, благодаря чему он получал свою сферу влияния, которая практически сразу стала областью абсолютного господства

Москвы. Но ответственность за это ложится и на двух лидеров англосаксонских держав.

1943 год один из польских политиков, находящихся тогда в Лондоне, решительный пилсудчик и противник политики Сикорского и его преемника Миколайчика, назвал в своем дневнике “годом дурных предзнаменований” для свободной, единой и независимой Польши (Katelbach 1959). Продолжая его мысль, мы можем сказать, что 1944 год принес исполнение этих предзнаменований. Но могло ли сложиться иначе, мог ли победить правительственный вариант построения отношений Польши с СССР, за который было тогда не только подавляющее большинство польского политического класса и солдат, сражавшихся в Польских вооруженных силах на Западе, в рядах подпольной Армии Крайовой и других, не связанных с Крайовой радой народной конспиративных освободительных организациях, но и, прежде всего, польского общества в оккупированной стране?

Первая половина 1944 г. прошла под знаком споров вокруг этого вопроса. Правительство Миколайчика под небывалым давлением Черчилля начало искать, как немного модифицировать прежнюю позицию, не допускавшую каких-либо отступлений от принципа неприкосновенности рижской границы. Оно стояло также перед лицом московских требований изменить свой персональный состав и свою политику (Derwiński 1987; Michowicz 1999: 491–501). В первом вопросе оно не добилось ничего, т. к. Сталин неизменно требовал принять “линию Керзона” как основу для своей границы с Польшей, а в том, что касается правительства, уже 18 января Молотов в беседе с американским послом Харриманом говорил, что поляки должны создать “новое правительство”, состоящее из “порядочных людей”, дружески относящихся к СССР (Советско-американские отношения...Т. 2: 8–10). Этот второй постулат Москвы в разговорах и контактах с англосаксами в первой половине 1944 г. будет повторяться многократно и означать он будет, что это должно быть правительство, политически связанное с Москвой и *de facto* от нее зависящее, хотя, конечно, Кремль этого так открыто не формулировал. Он в своей риторике придерживался заявлений Сталина, сделанных 6 ноября 1943 г., согласно которым политика его правительства заключалась в том, чтобы вместе с

союзниками, как он уверял, “освободить народы Европы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании своих национальных государств [...], народы Франции, Бельгии, Югославии, Чехословакии, Польши, Греции и остальных государств, находящихся в немецкой неволе, снова должны стать свободными и независимыми”. Освобожденные народы Европы, продолжал он, получают “полное право и свободу самостоятельно решать вопрос о государственном устройстве” (Сталин 2002: 104–105). Думаю, что за этими, столь заманчиво звучащими целями, уже тогда скрывалась фактически та “аксиома Сталина”, ставшая явной весной 1945 г.

Вернемся к двум требованиям, предъявляемым к Польше. Они составляли тогда суть советского варианта политики по отношению к своему западному соседу. Их категорически отвергало польское конституционное правительство, но признать “линию Керзона” за основу польско-советской границы и создать это “дру-жественное” по отношению к СССР правительство были готовы польские коммунисты в Польше и в СССР. Чтобы их общий со Сталиным вариант построения отношений между Польшей и Советским Союзом мог войти в стадию реализации, необходима была соответствующая конъюнктура. Она сложилась летом, после того как Миколайчик отверг во время тайных переговоров в Лондоне с послом при эмиграционных правительствах Виктором Лебедевым требования Кремля (Duraczyński 1993: 339, 344), при заведомо слабом сопротивлении Великобритании и Соединенных Штатов и, прежде всего, после очередных крупных успехов Красной Армии, которая как раз должна была перейти “линию Керзона”.

В середине июля 1944 г. Сталин принял принципиальное решение о реализации общего с коммунистами варианта политики по отношению к Польше, которую он вверил коммунистам. В это время в Москве уже находилась прибывшая из Варшавы делегация Крайовой рады народной, которая согласовала многие вопросы с руководством Союза польских патриотов. Обе группы теперь могли выступить с инициативой по ключевым для будущего Польши проблемам. Бесспорно, они отдавали себе отчет в том, что, как определила это ведущая исследовательница той эпохи, “в далеко идущих планах Москвы между Германией и советским

государством не было места для Польши по-настоящему суверенной и независимой” (Kersten 1990: 65). Таков был генезис созданного 21 июля, по решению Сталина, Польского комитета национального освобождения. Формально он еще не был правительством, но его реальным предвестником. На следующий день радиостанция СПП обнародовала программный манифест ПКНО, основывающийся, впрочем, на проекте аналогичного документа, выработанного ранее для Польского национального комитета (Kersten 1990: 65; Skrzypek 2002: 33–42). Польское конституционное правительство в Лондоне было названо в нем властью “самозванной и нелегальной”, которая “своей авантюристской политикой толкала Польшу к новой катастрофе”. В ситуации, когда началось освобождение страны, должен был быть создан “легальный центр власти”, которым и стал ПКНО. По вопросу о восточной границе в манифесте говорилось, что она должна быть установлена “на пути взаимного согласия” в соответствии с принципом: “польские земли – Польше, украинские, бе-лорусские и литовские земли – Советской Украине, Белоруссии и Литве”. Манифест провозглашал также новые границы на западе и севере.

Двумя днями позже польское правительство в изданном коммюнике, в соответствии со своим пониманием права поляков на восстановление единой, свободной и независимой Польши, объявило создателей Комитета “кучкой узурпаторов”.

Так возник центр, претендующий на принятие власти и наделенный Сталиным такими полномочиями. Центр, который прежде, диаметрально противоположные правительственным, планы построения взаимоотношений с СССР намеревался осуществить под крылом Красной Армии и НКВД. Он мог рассчитывать на поддержку минимальной группы поляков, но его создатели и лидеры знали, что независимо от той или иной воли общества судьбу Польши и всяческих программ решат итоги войны и “большая тройка”. А ход военных действий указывал на то, что Центральную и Восточную Европу займут советские войска, что окончательно должно было укрепить политическое положение Советского Союза как великой державы, участвующей в решении

судьбы европейского континента и международных отношений в глобальном масштабе.

26 июля председатель ПКНО Эдвард Осубка-Моравский и Вячеслав Молотов подписали соглашение об отношениях между советским руководством и созданной Комитетом администрации, а также – по требованию Кремля – секретное соглашение о польско-советской государственной границе. В этом соглашении СССР

обязывался оказывать в будущем поддержку новой польско-германской границе. Это обязательство Сталин выполнил летом 1945 г. на Берлинской конференции.

Несмотря на это, борьба за будущее Польши и пути построения отношений с СССР все еще продолжалась, а ее особым актом стало Варшавское восстание (1.08 – 2.10.1944 г.). Начатое по приказу командующего Армии Крайовой и с согласия правительства Миколайчика, оно было отчаянной и драматичной попыткой остановить катастрофический для судьбы программы восстановления свободной, единой и независимой Польши ход политических событий. Оно закончилось трагедией уничтожения, какого не знал ни один другой крупный европейский город к западу от Вислы и его жители (Дурачински 1996).

Когда оно началось, премьер-министр Миколайчик находился в Москве, чтобы в переговорах со Сталиным и представителями ПКНО (с 1 августа комитет находился в Люблине) отстаивать свою концепцию построения польско-советских взаимоотношений. Победоносное восстание в Варшаве должно было усилить его позиции на переговорах. Но, как верно заметил один из польских исследователей (Tebinka 1998), не усилило, т. к. 9 августа перед отъездом из Москвы премьер-министр был вынужден просить Сталина о помощи сражающейся столице. Помощь не пришла, а споры о том, почему так получилось, ведутся до сих пор (Duga-czyński 1995). Проигранное восстание не могло, конечно, улучшить и положение правительства, и его вариант политики по отношению к СССР в кругу ведущих британских и американских политиков. У них также, как и у Сталина, не было сомнений в том, что Варшавское восстание, в военном отношении направленное против Германии, в политическом отношении должно было защитить

правительственный вариант политики по отношению к СССР, т. е. с этой точки зрения имело антисоветский характер. Иначе говоря, оно политически атаковало сталинские намерения в отношении Польши, а ведь Черчилль и Рузвельт уже раньше отдали ее под протекторат Москвы как составную часть советской сферы влияния. И хотя во время восстания реакция британского правительства, требующего от Москвы оказать повстанцам действенную помощь (Ciechanowski 1993), была порой достаточно резкой, в целом это были лишь инциденты, не нарушающие стратегического партнерства “большой тройки”.

Восстание окончилось страшным поражением, вместе с которым окончательно провалился вариант построения польско-советский отношений, за который столь драматично сражался оставленный англосаксами и атакуемый Кремлем его автор – правительство Польской Республики. Правда, Миколайчик во время московских переговоров в октябре 1944 г. еще пытался что-то от него сохранить, предлагая некоторый компромисс, но после возвращения в Лондон он не был поддержан своим кабинетом и 24 ноября подал в отставку (Derwiński 1987; Duraczyński 1993: 413–415; Michowicz 1999: 547–572). Впрочем, он не отказался от поисков собственного варианта, который мог бы рассчитывать на поддержку Черчилля и Рузвельта и стать основой для очередного (если до этого дойдет) раунда переговоров со Сталиным и ПКНО. Свои мысли он изложил 26 ноября в тексте обширной депеши, адресованной лидерам польского подпольного государства в Польше. В ней он писал: “Если бы бросить капитал народной энергии, которая расходуется на сопротивление Люблинскому Комитету (т. е. ПКНО. – Э. Д.), на поддержку правительства [...] и связать гарантиями и поддержкой Советов и англосаксов независимость Польши, по моему мнению, шансы у правительства с участием коммунистов есть [...]”.

А ожидание с принятием решений до мирной конференции никому ничего хорошего не принесет, напротив, всю Польшу “затопит” Люблинский Комитет, правительство в Лондоне “формально будет существовать, но иссохнет”, сопротивление поляков в Польше “будет подавлено террором или соблазнами для слабых и изнуренных граждан”, а союзнические правительства в той или

иной форме признают коммунистические власти в Варшаве (Sprawa 1965: 627–633).

Бывший премьер-министр с упорством и уверенностью защищал идею, что только соглашение со Сталиным и коммунистами может открыть ограниченный в условиях того времени, но, по его мнению, вполне реальный шанс защитить суверенитет и независимость Польши в ее новых границах на востоке и западе. Как отмечал А. Иден, “Миколайчик и его сторонники считали, что даже если шансы на соглашение с русскими были бы не больше одного к десяти, нужно было этот единственный шанс использовать” (Eden: 392).

Так рождался третий вариант политики по отношению к СССР, который уже в скором времени его противники в Лондоне назовут “капитулянтским”, а самого Миколайчика – “капитулянтом”.

1 декабря 1944 г. во главе нового польского правительства в Лондоне, в которое вошли противники Миколайчика, встал социалист Томаш Арцишевский, который уверял, что будет стремиться к “построению дружественных отношений с Советским Союзом”, но соглашение с восточным соседом “должно базироваться на уважении прав и жизненных интересов обеих сторон”, “это должно быть соглашение, которое бы не вызывало чувства обиды и несправедливости в польском народе” (Duraczyński 1993: 418, 422). Такие идеи и программа были результатом уверенности в том, что важнейшей обязанностью поляков была и остается борьба за единую, свободную и независимую Польшу. Но, как верно заметил один из польских историков, “яростные критики политики Миколайчика, которые оказались у кормила власти, не знали, как разрешить стоящие перед ними проблемы [...]”. Поэтому они не могли рассчитывать на какую-либо поддержку англосаксов. Для Черчилля и Рузвельта они перестали быть партнерами, что, несомненно, упростило для Сталина и коммунистов игру за польский вопрос.

Вскоре после образования за правительством Арцишевского закрепилось название “правительство протеста”, а лагерь его сторонников стал называться “непреклонными”.

В таких обстоятельствах 31 декабря коммунисты, получив согласие Сталина, вместо ПКНО создали Временное правительство Польской Республики, а Э. Осубка-Моравский стал премьер-министром Совета министров (Sprawa 1965: 665–666).

В новый, 1945, год Польша вошла с двумя правительствами и группой Миколайчика (за положение которого в будущих политических конфигурациях упорно боролись англосаксы, особенно Черчилль) и тремя вариантами политики по отношению к СССР: “узурпаторов”, “непреклонных” и “капитулянтов”, над которыми, впрочем, преобладал советский вариант. С предложениями “непреклонных” никто из тех, кто влиял на ход событий, уже не считался, а вариант “узурпаторов” был лишь отражением требований Москвы. Только Миколайчик еще льстил себя надеждой, что, пользуясь поддержкой англосаксов, он получит

ценной территориальных изменений какой-то шанс противостоять советизации Польши, сохранить ее связи с Западом, восстановить государственный суверенитет, хоть и несколько ограниченный. Но на политической шахматной доске никто из лидеров польских вариантов, независимо от их собственной воли, не был в состоянии играть роль “фигуры”. Три великие державы предназначили им положение “пешек” (Kersten 1990), что нашло драматичное выражение в решениях, принятых Сталиным, Черчиллем и Рузвельтом во время их встречи в Ялте (4–11 февраля 1945 г.). В развитие тегеранских соглашений они постановили, что восточная граница Польши (с минимальными отклонениями в ее пользу) будет проходить по “линии Керзона”, за что она получит компенсацию на западе за счет Германии. Это решение также было принято, но только на Берлинской (Потсдамской) 17.07–2.08 1945 г. конференции лидеров трех великих держав. Установленная тогда по истечении многих лет неопределенности, в соответствии с предложениями Сталина и варшавского правительства, граница сегодня представляет собой незыблемый элемент политического мира в Европе и польско-германских отношений.

По вопросу о правительстве три лидера согласились на создание Временного правительства национального единства (его название предложил американский госсекретарь Эдвард Стеттиниус),

основой которого должно было стать уже существующее в Польше коммунистическое Временное правительство, реорганизованное на более широкой базе с включением демократических деятелей из Польши и поляков из-за границы (Kersten 1989). В данном случае англосаксам, прежде всего, был важен Миколайчик и его сторонники.

Сталин и польские коммунисты могли торжествовать. В Ялте победил их вариант построения отношений между Польшей и СССР. Правда, три лидера приняли Декларацию об освобожденной Европе, продолжающей Атлантическую хартию, но, как точно заметил один из американских исследователей, она оставляла, как оказалось, “меньше всего иллюзий”. “Декларацию составили быстро и без излишних споров, как будто все три лидера прекрасно понимали, что она означает или, скорее, чего она не означает” (Kimball 1999). Подписывая этот всем известный текст, Сталин уже имел ясное представление, каким в общих чертах будет будущее стран, которые в результате побед Красной Армии и согласия англосаксов должны были войти в сферу влияния, а точнее – уже господства Советского Союза. Ведь до того, как будет сформулирована известная нам “аксиома Сталина”, оставалось уже немного времени.

После конференции в Ялте начались многомесячные споры о выполнении той части ее постановлений, которые касались порядка создания Временного правительства национального единства. Миколайчик, чтобы иметь возможность бороться за реализацию своего модифицированного варианта политики по отношению к СССР и за ограниченную суверенность Польши, вынужден был в апреле публично признать ялтинские решения. “Непреклонные” сочли, что “капитулянты” вступили на путь предательства национальных интересов. В июне в Москве состоялись окончательные консультации по вопросу о создании Временного правительства национального единства. Решение о его образовании было принято 21 июня 1945 г. Миколайчик и несколько его сторонников вошли в состав этого правительства (Paczkowski 1991; Skrzypek 2002: 92–96). В тот же день в Москве закончился продолжавшийся несколько дней процесс над лидерами польского подпольного государства, обвиненными в антисоветской

деятельности (Duraczyński 1989). Таков был финал борьбы за свободную, единую и независимую Польшу, которую поляки начали 1 сентября 1939 г. Этот драматичный и трагичный финал был в то же самое время триумфом “аксиомы Сталина”.

Правительство Польской Республики в Лондоне 25 июня 1945 г. обнародовало меморандум в адрес английского и американского правительств, в котором, выступая как “единственное, законное, легально назначенное президентом Польской Республики, общепризнанное и независимое”, утверждало, что т. н. “Временное правительство национального единства является незаконным и не может быть добровольно признано польским народом” (Pragier 1966: 912). Но после того как это правительство 28 июня было окончательно сформировано в Варшаве, 5 июля оно было официально признано Великобританией и Соединенными Штатами (Францией уже 29 июня). На следующий день польский посол в Лондоне, граф Эдвард Рачинский, подписал ноту протеста, адресованную министру Идену: “Еще раз в истории польский народ был лишен независимости, однако на этот раз не в результате событий, произошедших в одной Восточной Европе, а после войны, которую Объединенные Нации вели, защищая закон и справедливость. Независимо от признания другими державами настоящего порабощения польский народ никогда не откажется от своих прав на независимость и никогда не прекратит войну за эти права” (Duraczyński 1993: 479). Однако именно варшавское правительство с 16 октября официально представляло Польшу в Организации Объединенных Наций (Duraczyński 1993: 475–476).

Так в то время окончился спор о способе построения отношений между Польшей и СССР. Тогда, летом 1945 г., вариант польского правительства в Лондоне с треском провалился. Приблизительно через полтора года потерпел поражение вариант Миколайчика. Триумфаторами могли бы считаться создатели коммунистического варианта, если бы не то обстоятельство, что настоящим победителем был Сталин со своей аксиомой.

Сегодня, почти 60 лет спустя, мы знаем, что к группе проигравших присоединился и вариант коммунистов, а “аксиома

Сталина” пала, по крайней мере, в Европе, вместе с берлинской стеной и победным для Запада финалом “холодной войны”.

Но, наверное, никто не станет отрицать, что все польские варианты представляют собой неотъемлемую часть польской истории, и каждый из них кое-что после себя оставил. “Узурпаторы” начали введение в Польшу сталинского варианта тоталитаризма с его преступлениями (Paczkowski 1995), но также получили для Польши западную границу с Ольштыном, Гданьском, Щецином и Вроцлавом. В военно-политической ситуации того времени только они могли ее получить, так как только Сталин на этом настаивал и сумел убедить в этом англосаксов. В то же время, соглашаясь без возражений на навязанную Сталиным восточную границу, они оставили тем самым своим преемникам возможность установления добрососедских отношений с независимыми Литвой, Белоруссией, Украиной и, конечно, новой, постсоветской Россией, хотя в 1945–1989 гг., конечно, никто из них о такой перспективе не думал.

“Капитулянты” боролись за ограниченный суверенитет в надежде, что он станет полным. Они быстро проиграли, потому что должны были проиграть. Но после 1956 г. снижения ограничений добился Владислав Гомулка, после 1970 г. – Эдвард Герек, а в 1980-е годы – Войцех Ярузельский. А разве правительство Тадеуша Мазовецкого в 1989 г. не начинало также с минимизации ограничений суверенитета Польши, пока Лех Валенса не получил полный? Думаю, что их всех в некотором смысле можно причислить к группе использующих – в совершенно иных условиях – вариант “капитулянта” Миколайчика.

Но и “непреклонные” оставили после себя наследие, заключающееся в глубочайшей уверенности, что постановка перед собой, казалось бы, недостижимых целей может иметь смысл. Ведь не всегда же выигрывает *Realpolitik*.

Литература

Дурачински, Э. 1996. Варшавское восстание. В: Афанасьев, Ю. Н. (ред.), *Другая война 1939–1945*. М.

Лебедева, Н. С. 1994. *Катынь – преступление против человечества*. М.

1989. *Переписка председателя Совета Министров СССР с премьер-министром Великобритании и президентом США во время Великой Отечественной войны 1941–1945*. Т. 1–2. М.

Ржешевский, О. А. 1997. *Война и дипломатия. Документы и комментарии (1941–1942)*. М.

1984. *Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945*. Т. 1–2. М.

Сталин, И. В. 2002. *О Великой Отечественной войне Советского Союза*. М.

2002. *Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. 1944–1948*. М.

Batowski, H. 1991. *Polska dyplomacja na obczyźnie 1939–1941*. Kraków.

Błażyński, Z. (red.)

1994. *Władze RP na obczyźnie podczas II wojny światowej*. Londyn.

Ciechanowski, J. M. 1993. *Tragedia Warszawy*. Warszawa.

Gardner, L. C. 1999. *Spheres of Influence. The Great Powers Partition Europe, from Munich to Yalta* / польский перевод: Warszawa.

Derwiński, Z. A. 1987. *Polityka zagraniczna rządu RP pod kierownictwem Stanisława Mikołajczyka* (рукопись кандидатской диссертации). Wrocław: Biblioteka Uniwersytetu Wrocławskiego.

Duraczyński, E.

1989. *General Iwanow zaprasza. Przywódcy polskiego państwa pod-ziemnego przed sądem moskiewskim*. Warszawa.

1993. *Rząd polski na uchodźstwie 1939–1945*. Warszawa.

1995. *Powstanie warszawskie – badań i sporów ciąg dalszy. Dzieje Najnowsze 1*.

1999. *Polska 1939–1945, Dzieje polityczne*. Warszawa.

Duraczyński, E., Turkowski, R. 1997. *O Polsce na uchodźstwie. Rada Narodowa RP 1939–1945*. Warszawa.

Eden, A. 1972. *Pamiętniki 1939–1945*. Т. 2. Warszawa.

Hulas, M. 1996. *Goście czy intruzi? Rząd polski na uchodźstwie, wrzesień 1939 – lipiec 1943*. Warszawa.

Jaczyński, S. 1993. *Zygmunt Berling. Miedzy sławą a potępieniem*. Warszawa.

Katelbach, T. 1959. *Rok złych wróżb (1943)*. Paryż.

Kersten, K.

1989. *Jalta w polskiej perspektywie*. Londyn–Warszawa.

1990. *Narodziny systemu władzy. Polska 1943–1948. (37–40)*. Poznań.

Kimball, W. F. 1999. *Forged in War: Roosevelt, Churchill and the Second World War* (польский перевод). Warszawa.

Michowicz, W. (red.) 1999. *Historia dyplomacji polskiej*. T. 5: 1939–1945. Warszawa.

Paczkowski, A.

1991. *Stanisław Mikołajczyk, czyli kłęska realisty (zarys biografii politycznej)*. Warszawa.

1995. *Pół wieku dziejów Polski 1939–1989*. Warszawa.

Pragier, A. 1966. *Czas przeszły dokonany*. Londyn.

Skrzypek, A. 2002. *Mechanizmy uzależnienia. Stosunki polsko-radzieckie 1944–1957*. Pułtusk.

1965. *Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzyna-rodowej* (Zbiór dokumentów). Warszawa.

Syzdek, E. 1981. *Działalność Wandy Wasilewskiej w latach drugiej wojny światowej*. Warszawa.

Tebinka, J.

1998. *Poliyka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej 1939–1945*. Warszawa.

1970. *Teheran-Jalta-Poczdam. Dokumenty konferencji szefów trzech wielkich mocarstw*. Warszawa.

Werblan, A. 1988. *Władysław Gomułka. Sekretarz Generalny PPR*. Warszawa.

Zawodny, J. K. 1989. *Katyń*. Lublin–Paryż.